

Собака. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Собака. Иван Сергеевич Тургенев

...Но если допустить возможность сверхъестественного, возможность его вмешательства в действительную жизнь, то позвольте спросить, какую роль после этого должен играть здравый рассудок? – провозгласил Антон Степаныч и скрестил руки на желудке. Антон Степаныч состоял в чине статского советника, служил в каком-то мудреном департаменте и, говоря с расстановкой, туго и басом, пользовался всеобщим уважением. Ему незадолго перед тем, по выражению его завистников, «влепили станислашку». – Это совершенно справедливо, – заметил Скворевич. – Об этом и спорить никто не станет, – прибавил Кинаревич. – И я согласен, – поддакнул фистулой из угла хозяин дома, г. Финоплентов. – А я, признаюсь, согласиться не могу, потому что со мной самим произошло нечто сверхъестественное, – проговорил мужчина среднего роста и средних лет, с брюшком и лысиной, безмолвно до тех пор сидевший за печкой. Взоры всех находившихся в комнате с любопытством и недоумением обратились на него – и воцарилось молчанье. Этот мужчина был небогатый калужский помещик, недавно приехавший в Петербург. Он некогда служил в гусарах, проигрался, вышел в отставку и поселился в деревне. Новейшие хозяйственные перемены сократили его доходы, и он отправился в столицу поискать удобного местечка. Он не обладал никакими способностями и не имел никаких связей; но он крепко надеялся на дружбу одного старинного сослуживца, который вдруг ни с того ни с сего выскочил в люди и которому он однажды помог приколотить шулера. Сверх того он рассчитывал на свое счастье – и оно ему не изменило; несколько дней спустя он получил место надзирателя над казенными магазинами, место выгодное, даже почетное и не требовавшее отменных талантов: самые магазины существовали только в предположении и даже не было с точностью известно, чем их наполнят, – а придумали их в видах государственной экономии. Антон Степаныч первый прервал общее оцепенение. – Как, милостивый государь мой! – начал он, – вы не шутя утверждаете, что с вами произошло нечто сверхъестественное – я хочу сказать: нечто не сообразное с законами природы? – Утверждаю, – возразил «милостивый государь мой», настоящее имя которого было Порфирий Капитоныч. – Не сообразное с законами природы! – повторил с сердцем Антон Степаныч, которому, видимо, понравилась эта фраза. – Именно... да; вот именно такое, как вы изволите говорить. – Это удивительно! Как вы полагаете, господа? – Антон Степаныч потянулся придать чертам своим выражение ироническое, но ничего не вышло или, говоря правильнее, вышло только то, что вот, мол, господин статский советник дурной запах почуял. – Не потрудитесь ли вы, милостивый государь, – продолжал он, обращаясь к калужскому помещику, – передать нам подробности такого любопытного события? – Отчего же? Можно! – отвечал помещик и, развязно подошедши к середине комнаты, заговорил так: – У меня, господа, как вам, вероятно, известно – а может быть, и неизвестно – небольшое имение в Козельском уезде. Прежде я извлекал из него некоторую пользу – но теперь, разумеется, ничего, кроме неприятностей, предвидеть нельзя. Однако побоку политику! Ну-с, в этом самом имении у меня усадьба «махенькая»: огород, как водится, прудишко с карасишками, строения кой-какие – ну, и флигелек для собственного грешного тела... Дело холостое. Вот-с, однажды – годов этак шесть тому назад – вернулся я к себе домой довольно поздно: у соседа в картишки перекинул, – но притом, прошу заметить, ни в одном, как говорится, глазе; разделся, лег, задул свечку. И представьте вы себе, господа: только что я задул свечку, завозилось у меня под кроватью! Думаю – крыса? Нет, не крыса: скребет, возится, чешется... Наконец ушами захлопало! Понятное дело: собака. Но откуда собаке взяться? Сам я не держу; разве, думаю, забежала какая-нибудь «заболтущая»? Я кликнул своего слугу; филькой он у меня прозывается. Вошел слуга со свечкой. «Что это, – я говорю, – братец филька, какие у тебя беспорядки! Ко мне собака под кровать затесалась». – «Какая, говорит, собака?» – «А я почем знаю? – говорю я, – это твое дело – барина до беспокойства не допускать». Нагнулся мой филька, стал свечкой под кроватью водить. «Да тут, говорит, никакой собаки нету». Нагнулся и я: точно, нет собаки. – Что за притча! – вскинул я глазами на фильку, а он улыбается. «Дурак, – говорю я ему, – что ты зубы-то скалишь? Собака-то, вероятно, как ты стал отворять дверь, взяла да и шмыгнула в переднюю. А ты, ротозей, ничего не заметил, потому что ты вечно спишь. Уж не воображаешь ли ты, что я пьян?» Он захотел было возражать, но я его прогнал, свернулся калачиком и в ту ночь уже ничего не слышал. Но на следующую ночь – вообразите! – то же самое повторилось. Как только я свечку задул, опять скребет, ушами хлопает. Опять я позвал фильку, опять он поглядел под кроватью – опять ничего! Услал я его, задул свечку – тыфу ты чёрт! собака тут как тут. И как есть собака: так вот и слышно, как она дышит,

как зубами по шерсти перебирает, блох ищет... Явственно таково! «Филька! – говорю я, – войди-ка сюда без свечки!» Тот вошел. «Ну, что, говорю, слышишь?» – «Слышу», – говорит. Самого-то мне его не видать, но чувствую я, что струхнул малый. «Как, говорю, ты это понимаешь?» – «А как мне это понимать прикажете, Порфирий Капитоныч? – Наваждение!» – «Ты, – я говорю, – беспутный человек, молчи с наваждением-то с своим...» А у обоих-то у нас голоса словно птичьи, и дрожим-то мы как в лихорадке – в темноте-то. Зажег я свечку: ни собаки нет, ни шума никакого – а только оба мы с филькой – белые, как глина. Так свечка у меня до утра и горела. И доложу я вам, господа, – верьте вы мне или нет – а только с самой той ночи в течение шести недель та же история со мной повторялась. Под конец я даже привык и свечку гасить стал, потому мне при свете не спится. Пусть, мол, возится! Ведь зла она мне не делает. – Однако, я вижу, вы не трусливого десятка, – с полупрезрительным, полуснисходительным смехом перебил Антон Степаныч. – Сейчас видно гусара! – Вас-то я бы ни в каком случае не испугался, – промолвил Порфирий Капитоныч и на мгновение действительно посмотрел гусаром. – Но слушайте далее. Приезжает ко мне один сосед, тот самый, с которым я в картишки перекидывал. Пообедал он у меня чем бог послал, спустил мне рубликов пятьдесят за визит; ночь на дворе – убираться пора. А у меня свои соображения. «Останься, говорю, ночевать у меня, Василий Васильич; завтра отыграешься, даст бог». Подумал, подумал мой Василий Васильич, остался. Я ему кровать у себя же в спальне поставить приказал... Ну-с, легли мы, покурили, покалякали – всё больше о женском поле, как оно и приличествует в холостой компании, посмеялись, разумеется; смотрю: погасил Василий Васильич свою свечку и спиной ко мне повернулся; значит: «шлафензиволь» 1. Я подождал маленько и тоже погасил свечку. И представьте: не успел я подумать, что, мол, теперь какой карамболь произойдет? как уже завозилась моя голубушка. Да мало что завозилась: из-под кровати вылезла, через комнату пошла, когтями по полу стучит, ушами мотает, да вдруг как толкнет самый стул, что возле Василия Васильевичевой кровати! «Порфирий Капитоныч, – говорит тот, и таким, знаете, равнодушным голосом, – а я и не знал, что ты собаку приобрел. Какая она, легавая, что ли?» – «У меня, говорю, собаки никакой нет и не бывало никогда!» – «Как нет? а это что?» – «Что это? – говорю я, – а вот зажги свечку, так сам узнаешь». – «Это не собака?» – «Нет». Повернулся Василий Васильич на постели. «Да ты шутишь, чёрт?» – «Нет, не шучу». Слышу я: он чёрк, чёрк спичкой, а та-то, та-то всё не унимается, бок себе чешет. Загорелся огонек... и баста! След простыл! Глядит на меня Василий Васильич – и я на него гляжу. «Это, говорит, что за фокус?» – «А это, – говорю я, – такой фокус, что посади ты с одной стороны самого Сократа, а с другой Фридриха Великого, так и те ничего не разберут». И тут же я ему всё в подробности рассказал. Как вскочит мой Василий Васильич! Словно обоженный! В сапоги-то никак не попадет. «Лошадей! – кричит, – лошадей!» Стал я его уговаривать, так куда! Так и взмахался. «Не останусь, кричит, ни минуты! – Ты, значит, после этого оглашенный человек! – Лошадей!..» Однако я его уломал. Только кровать его перетаскивали в другую комнату – и ночники везде запалили. Поутру, за чаем, он остепенился; стал советы мне давать. «Ты бы, говорит, Порфирий Капитоныч, попробовал на несколько дней из дому отлучиться: может, эта пакость от тебя бы отстала». А надо вам сказать: человек он – сосед мой – был ума обширного! Тещу свою, между прочим, так обработал чудесно: вексель ей подсунул; значит, выбрал же самый чувствительный час! Шёлковая стала; доверенность дала на управление всем имением – чего больше? А ведь это какое дело – тещу-то скрутить, а? Сами изволите посудить. Однако уехал он от меня в некотором неудовольствии: я-таки его опять рубликов на сотню наказал. Даже ругал меня; говорил, что ты-де неблагодарен, не чувствуешь; а я чем же тут виноват? Ну, это само собою, – а совет я его к сведению принял: в тот же день укатил в город, да и поселился на постоялом дворе у знакомого старичка из раскольников. Почтенный был старичок, хотя и суров маленько по причине одиночества: вся семья у него перемерла. Только уж очень табаку не жаловал и к собакам чувствовал омерзенье великое; кажется, чем, например, ему собаку в комнату впустить согласиться – скорей бы сам себя пополам перервал! «Потому, говорит, как же возможно! Тут у меня в светлице на стене сама Владычица пребывать изволит, и тут же пес поганый рыло свое нечестивое уставит». Известно – необразование! А впрочем, я такого мнения: кому какая премудрость далась, тот той и придерживайся! – Да вы, я вижу, великий философ, – вторично и с тою же усмешкой перебил Антон Степаныч. Порфирий Капитоныч на этот раз даже нахмурился. – Какой я философ, это еще неизвестно, – промолвил он с угрюмым подергиваньем усов, – но вас бы я охотно взял в науку. Мы все так и впились в Антона Степаныча; всякий из нас ожидал горделивого ответа или хотя молниеносного взгляда... Но господин статский советник перевел свою усмешку из презрительной в равнодушную, потом зевнул, поболтал ножкой – и только! – Вот у этого-то старичка я и поселился, – продолжал Порфирий Капитоныч.

– Комнатку он мне отвел, по знакомству, не из лучших; сам он помещался тут же за перегородкой – а мне только этого и нужно. Однако принял я в те поры муки! Комнатка небольшая, жара, этта, духота, мухи, да какие-то клейкие; в углу киотище необыкновенный, с древнейшими образами; ризы на них тусклые да дутые; маслом так и разит, да еще какую-то специей; на кровати два пуховика; подушку пошевелишь, а из-под нее таракан бежит... я уж со скуки чаю до невероятности напился – просто беда! Лег я; спать нет возможности – а за перегородкой хозяин вздыхает, кряхтит, молитвы читает. Ну, однако, угомонился, наконец. Слышу: похрапывать стал – да так полегоньку, по-старомодному, вежливенько. Свечку-то я давно загасил – только лампадка перед образами горит... Помеха, значит! Вот я возьми да встань тихохонько, на босу ногу; подмогнулся к лампадке да и дунул на нее... Ничего. «Эге! – думаю, – звать, у чужих-то не берет...» Да только что опустился на постель – опять пошла тревога! И скребет, и чешет, и ушами хлопает... ну, как быть следует! Хорошо. Я лежу, жду, что будет? Слышу: просыпается старик. «Барин, говорит, а барин?» – «Что, мол?» – «Это ты лампадку погасил?» Да ответа моего не дождавшись, как залопочет вдруг: «Что это? что это? собака? собака! Ах ты, никонианец окаянный!» – «Погоди, говорю, старик, браниться – а ты лучше приди-ка сам сюда. Тут, я говорю, дела совершаются удивления достойные». Повозился старик за перегородкой и вошел ко мне со свечкой, тоненькой-претоненькой, из желтого воску; и удивился же я, на него глядячи! Сам весь шершавый, уши мохнатые, глаза злобные, как у хорька, на голове шапонька белая войлочная, борода по пояс, тоже белая, и жилет с медными пуговицами на рубаше, а на ногах меховые сапоги – и пахнет от него можжевельником. Подошел он в этаким виде к образам, перекрестился три раза крестом двуперстным, лампадку засветил, опять перекрестился – и, обернувшись ко мне, только хрюкнул: объясняй, мол! И тут я ему, нимало не медля, всё обстоятельно сообщил. Выслушал все мои объяснения старина и хоть бы словечко проронил: только знай головой потряхивает. Присел он потом, этта, ко мне на кровать – и всё молчит. Чешет себе грудь, затылок и прочее – и молчит. «Что ж, – говорю я, – Федул Иваныч, как ты полагаешь: наваждение это какое, что ли?» Старик посмотрел на меня. «Что выдумал! наваждение! Добро бы у тебя, табашника, – а то здесь! Ты только то сообрази: что тут святости! Наваждения захотел!» – «А коли это не наваждение – так что же?» Старик опять помолчал, спясть почесался и говорит наконец, – да глухо так, потому усы в рот лезут: «Ступай ты в град Белев. Окромь одного человека, тебе помочь некому. И живет сей человек в Белеве, из наших. Захочет он тебе поспособствовать – твое счастье; не захочет – так тому и быть». – «А как мне его найти, человека сего?» – говорю я. «Это мы тебя направить можем, – говорит, – а только какое это наваждение? Это есть явление, а либо знамение; да ты этого не постигнешь: не твоего полета. Ложись-ка теперь спать, с батюшкой со Христом; я ладанком покурю; а на утрие мы побеседуем. Утро, знаешь, вечера мудренее». Ну-с, и побеседовали мы на утрие – а только от этого от самого ладану я чуть не задохнулся. И дал мне старик наставление такого свойства: что, приехавши в Белев, пойти мне на площадь и во второй лавке направо спросить некоего Прохорыча; а отыскавши Прохорыча, вручить ему грамотку. И вся-то грамотка заключалась в клочке бумаги, на которой стояло следующее: «Во имя отца и сына и святаго духа. Аминь. Сергию Прохоровичу Первушину. Сему верь. Феодулий Иванович». А внизу: «Капустки пришли, бога для». Поблагодарил я старика – да без дальнейших рассуждений велел заложить тарантас и отправился в Белев. Потому я так соображал: хотя, положим, от моего ночного посетителя мне большой печали нет, однако все-таки оно жутко, да и, наконец, не совсем прилично дворянину и офицеру – как вы полагаете? – И неужели вы поехали в Белев? – прошептал г. финоплентов. – Прямо в Белев. Пошел я на площадь, спросил во второй лавке направо Прохорыча. «Есть, мол, говорю, такой человек?» – «Есть», – говорят. «А где живет?» – «На Оке, за огородами». – «В чьем доме?» – «В своем». Отправился я на Оку, отыскал его дом, т. е. в сущности не дом, а простую лачугу. Вижу: человек в синей свитке с заплатами и в рваном картузе, так... мещаниншко по наружности, стоит ко мне спиной, копается в капустнике. Я подошел к нему. «Вы, мол, такой-то?» Он обернулся – и доложу вам поистине: этаких пронизательных глаз я отроду не видывал. А впрочем, всё лицо с кулачок, борода клином, и губы ввалились: старый человек. «Я такой-то, – говорит, – что вам надобе?» – «А вот, мол, что мне надобе», – да и грамоту ему в руку. Он посмотрел на меня пристально таково да и говорит: «Пожалуйте в комнату; я без очков читать не могу». Ну-с, пошли мы с ним в его хибарку – и уж точно хибарка: бедно, голо, криво; как только держится. На стене образ старого письма, как уголь черный: одни белки на ликах так и горят. Достал он из столика железные круглые очки, надел себе на нос, прочел грамотку да через очки опять на меня посмотрел. «Вам до меня нужда имеется?» – «Имеется, говорю, точно». – «Ну, говорит, коли имеется, так докладывайте, а мы слушаем». И представьте вы себе: сам сел и платок клетчатый

из кармана достал и у себя на коленях разложил – и платок-то дырявый – да так важно на меня взирает, хоть бы сенатору или министру какому, и не сажает меня. И что еще удивительнее: чувствую я вдруг, что робею, так робею... просто душа в пятки уходит. Нижет он меня глазами насквозь, да и полно! Однако я поправился да и рассказал ему всю мою историю. Он помолчал, пожегил, пожевал губами, да и ну спрашивать меня, опять-таки как сенатор, величественно так, не торопясь: «Имя, мол, ваше как? Лета? Кто были родные? В холостом ли звании или женаты?» Потом он опять губами пожевал, нахмурился, палец уставил да и говорит: «Иконе святой поклонитесь, честным преподобным соловецким святителям Зосиме и Савватию». Я поклонился в землю – и так уж и не поднимаюсь; такой в себе страх к тому человеку ощущаю и такую покорность, что, кажется, что бы он ни прикажи, исполню тотчас же!.. Вы вот, я вижу, господа, ухмыляетесь, а мне не до смеху было тогда, ей-ей. «Встаньте, господин, – проговорил он наконец. – Вам помочь можно. Это вам не в наказание наслано, а в предостережение; это, значит, попечение о вас имеется; добре, знать, кто за вас молится. Ступайте вы теперь на базар и купите вы себе собаку-щенка, которого вы при себе держите неотлучно – день и ночь. Ваши виденья прекратятся, да и, кроме того, будет вам та собака на потребу». Меня вдруг точно светом озарило: уж как же мне эти слова полюбились! Поклонился я Прохорычу и хотел было уйти, да вспомнил, что нельзя же мне его не поблагодарить, – достал из кошелька трехрублевую бумажку. Только он мою руку отвел от себя прочь и говорит мне: «Отдайте, говорит, в часовенку нашу али бедным, а услуга та неоплатная». Я опять ему поклонился – чуть не в пояс – и тотчас марш на базар! И вообразите: только что стал я подходить к лавкам – глядь, ползет ко мне навстречу фризловая шинель и под мышкой несет легавого щенка, двухмесячного, коричневой шерсти, белогубого, с белыми передними лапками. «Стой! – говорю я шинели, – за сколько продаешь?» – «А за два целковых». – «Возьми три!» Тот удивился, думает, с ума барин спятил – а я ему ассигнацию в зубы, щенка в охапку, да в тарантас! Кучер живо запряг лошадей, и в тот же вечер я был дома. Щенок всю дорогу у меня за пазухой сидел – и хоть бы пикнул; а я ему всё: «Трезорушко! Трезорушко!» Тотчас его накормил, напоил, велел соломы принести, уложил его, и сам шмыг в постель! Дунул на свечку: сделалась темнота. «Ну, говорю, начинай!» Молчит. «Начинай же, говорю, такая-сякая!» Ни гугу, хоть бы на смех. Я куражиться стал: «Да начинай, ну же, растакая, сякая и этакая!» Ан не тут-то было – шабаш! Только и слышно, как щенок пыхтит. «Филька! – кричу, – Филька! Поди сюда, глупый человек!» – Тот вошел. – «Слышишь ты собаку?» – «Нет, говорит, барин, ничего не слышу» – а сам смеется. – «И не услышишь, говорю, уже больше никогда! Полтинник тебе на водку!» – «Пожалуйте ручку», – говорит дурак и впотымах-то лезет на меня... Радость, доложу вам, была большая. – И так всё и кончилось? – спросил Антон Степаныч уже без иронии. – Видения кончились, точно – и уже беспокойств никаких не было – но, погодите, всей штуке еще не конец. Стал мой Трезорушко расти – вышел из него гусь лапчатый. Толстохвостый, тяжелый, вислоухий, брылястый – настоящий «пиль-аванц». И притом ко мне привязался чрезвычайно. Охота в наших краях плохая – ну, а все-таки, как завел собаку, пришлось и ружьишком запастись. Стал я со своим Трезором таскаться по окрестностям: иногда зайца подшибешь (уж и гонялся же он за этими зайцами, боже мой!), а иногда и перепелку или уточку. Но только главное: Трезор от меня ни на шаг. Куда я – туда и он; даже и в баню его с собой водил, право! Одна наша барыня меня за самого за этого Трезора из гостиной приказала было вывести, да я такую штурму поднял: что одних стенок у ней перебил! Вот-с, однажды, дело было летом... И, скажу вам, засуха стояла тогда такая, что никто и не запомнит; в воздухе не то дым, не то туман, пахнет гарью, мгла, солнце, как ядро раскаленное, а что пыли – не прочихнешь! Люди так разинувши рты и ходят, не хуже ворон. Соскучилось мне этак дома всё сидеть, в полнейшем дезабилье, за закрытыми ставнями; кстати же жара начинала сваливать... И пошел я, государи мои, к одной своей соседке. Жила же она соседка от меня в версте – и уж точно благодетельная была дама. В молодых еще цветущих летах и наружности самой располагающей; только нрав имела непостоянный. Да это в женском поле не беда; даже удовольствие доставляет... Вот добрался я до ее крылечка – и солоно же мне показалось это путешествие! Ну, думаю, ублаготворит меня теперь нимфодора Семеновна брусничной водой, ну и другими прохладами – и уже за ручку двери взялся, как вдруг за углом дворовой избы поднялся топот, визг, крик мальчишек... Я оглядываюсь. Господи боже мой! прямо на меня несется огромный рыжий зверь, которого я с первого взгляда и за собаку-то не признал: раскрытая пасть, кровавые глаза, шерсть дыбом... Не успел я дыхание перевести, как уж это чудовище вскочило на крыльцо, поднялось на задние лапы и прямо ко мне на грудь – каково положение? Я замер от ужаса и руки не могу поднять, одурел вовсе... Вижу только страшные белые клыки перед самым носом, красный язык, весь в пене. Но в то же мгновенье другое, темное тело взвилось передо мною, как мячик, – это мой голубчик Трезор

заступился за меня; да как пивка тому-то, зверю-то, в горло! Тот захрипел, заскрежетал, отшатнулся... Я разом рванул дверь и очутился в передней. Стою, сам не свой, всем телом на замок налег, а на крыльце, слышу, происходит баталья отчаянная. Я стал кричать, звать на помощь; все в доме всполошились. Нимфодора Семеновна прибежала с распущенной косой, на дворе загомонили голоса – и вдруг послышалось: «Держи, держи, запри ворота!» Я отворил дверь – так, чуточку – гляжу: чудовища уже нет на крыльце, люди в беспорядке мечутся по двору, махают руками, поднимают с земли поленья – как есть очумели. «На деревню! на деревню убегла!» – визжит какая-то баба в кичке необыкновенных размеров, высунувшись в слуховое окно. Я вышел из дома. «Где, мол, Трезор?» – и тут же увидел моего спасителя. Он шел от ворот, хромой, весь искусанный, в крови... «Да что такое, наконец?» – спрашиваю у людей, а они кружатся по двору, как угорелые. «Бешеная собака! – отвечают мне, – графская; со вчерашнего дня здесь мотается». У нас был сосед, граф; тот заморских собак навез, престрашенных. Поджилки у меня затряслись; бросился к зеркалу, посмотреть, не укушен ли я? Нет, слава богу, ничего не видать; только рожа, натурально, вся зеленая; а Нимфодора Семеновна лежит на диване и клохчет курицей. Да оно и понятно: во-первых, нервы, во-вторых, чувствительность. Ну, однако, пришла в себя и спрашивает меня, томно так: жив ли я? Я говорю, жив, и Трезор мой избавитель. «Ах, говорит, какое благородство! И стало быть, бешеная собака его задушила?» – «Нет, говорю, не задушила, а ранила сильно». – «Ах, говорит, в таком случае его надо сию минуту пристрелить!» – «Ну, нет, говорю, я на это не согласен; я попробую его вылечить...» Тем временем Трезор стал скрестись в дверь: я было пошел ему отворять. – «Ах, говорит, что вы это? Да он нас всех перекусает!» – «Помилуйте, говорю, яд не так скоро действует». – «Ах, говорит, как это возможно! Да вы с ума сошли!» – «Нимфочка, говорю, успокойся, прими резон...» А она как крикнет вдруг: «Уйдите, уйдите сейчас с вашей противной собакой!» – «И уйду», – говорю. – «Сейчас, говорит, сию секунду! Удались, говорит, разбойник, и на глаза мне не смей никогда показываться. Ты сам можешь взбеситься!» – «Очень хорошо-с, – говорю я, – только дайте мне экипаж, потому что я теперь пешком идти домой опасаясь». Она уставилась на меня. «Дать, дать ему коляску, карету, дрожки, что хочет, лишь бы провалился поскорее. Ах, какие глаза! ах, какие у него глаза!» Да с этими словами из комнаты вон, да встрешную девку по щеке – и слышу, с ней опять припадок. И поверите ли вы мне, господа, или нет, а только с самого того дня я с Нимфодорой Семеновной всякое знакомство прекратил; а по зрелом соображении всех вещей не могу не прибавить, что и за это обстоятельство я обязан моему другу Трезору благодарностью по самую гробовую доску. Ну-с, велел я заложить коляску, усадил в нее Трезора и поехал к себе домой. Дома я его осмотрел, обмыл его раны – да и думаю: повезу я его завтра чуть свет к бабке в Ефремовский уезд. А бабка эта – старый мужик, удивительный: пошепчет на воду – а другие толкуют, что он в нее змеиную слюну пускает, даст выпить – как рукою снимет. Кстати, думаю, в Ефремове себе кровь брошу: оно против испуга хорошо бывает; только, разумеется, не из руки, а из сокола. – А где это место – сокол? – с застенчивым любопытством спросил г. финоплентов. – А вы не знаете? Самое вот это место, на кулаке, подле большого пальца, куда из рожка табак насыпают – вот тут! Для кровопускания первый пункт; потому сами посудите: из руки пойдет кровь жильная, а тут она – наигранная. Доктора этого не знают и не умеют; где им, дармоедам, немчуре? Больше кузнецы упражняются. И какие есть ловкие! Наставит долото, молотком ткнет – и готово!.. Ну-с, пока я таким образом размышлял, на дворе совсем стемнело, пора на боковую. Лег я в постель – и Трезор, разумеется, тут же. Но от испуга ли, от духоты ли, от блох или от мыслей – только не могу заснуть, хоть ты что! Тоска такая напала, что и описать невозможно; и воду-то я пил, и окошко отворял, и на гитаре «камаринского» с итальянскими вариациями разыграл... нет! Прет меня вон из комнаты – да и полно! Я решил наконец: взял подушку, одеяло, простыню да и отправился через сад в сенной сарай; ну и расположился там. И так мне стало, господа, приятно: ночь тихая, перетихая, только изредка ветерок словно женской ручкой по щеке тебе проведет, свежо таково; сено пахнет, что твой чай. на яблонях кузнечики потрюкивают; там вдруг перепел грянет – и чувствуешь ты, что и ему, канашке, хорошо, в росе-то с подружкой сидючи... А на небо такое благолепие: звездочки теплятся, а то тучка наплывет, белая, как вата, да и та еле движется... На этом месте рассказа Скворевич чихнул; чихнул и Кинаревич, никогда и ни в чем не отстававший от своего товарища. Антон Степаныч посмотрел одобрительно на обоих. – Ну-с, – продолжал Порфирий Капитоныч, – вот так-то лежу я и опять-таки заснуть не могу. Размышление нашло на меня; а размышлял я больше о премудрости: что вот как, мол, это Прохорыч мне справедливо объяснил насчет предостереженья – и почему это именно надо мной такие чудеса совершаются?.. Я удивляюсь собственно потому, что ничего не понимаю, а Трезорушко повизгивает, свернувшись в сене:

Собака. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

больно ему от ран-то. И еще я вам скажу, что мне спать мешало – вы не поверите: месяц! Стоит он прямо передо мной, этакий круглый, большой, желтый, плоский, и сдается мне, что уставился он на меня, ей-богу; да так нагло, назойливо... Я ему даже язык наконец высунул, право. Ну чего, думаю, любопытствуешь? Отвернусь я от него – а он мне в ухо лезет, затылок мне озаряет, так вот и обдаёт, словно дождем; открою глаза – что же? Былинку каждую, каждый дрянной сучок в сене, паутинку самую ничтожную – так и чеканит, так и чеканит! На, мол, смотри! Нечего делать: опер я голову на руку, стал смотреть. Да и нельзя: поверите ли, глаза у меня, как у зайца, так и пучатся, так и раскрываются – словно им и неизвестно, что за сон бывает за такой. Так, кажется, и съел бы всё этими самыми глазами. Ворота сарая открыты настежь; верст на пять в поле видно: и явственно и нет, как оно всегда бывает в лунную ночь. Вот гляжу я, гляжу – и не смигну даже... И вдруг мне показалось, как будто что-то мотанулось – далеко, далеко... так, словно что померещилось. Прошло несколько времени: опять тень проскочила – уже немножко ближе; потом опять, еще поближе. Что, думаю, это такое? заяц, что ли? Нет, думаю, это будет покрупнее зайца – да и побежка не та. Гляжу: опять тень показалась, и движется она уже по выгону (а выгон-то от луны белесоватый) таким крупным пятном; понятное дело: зверь, лисица или волк. Сердце во мне ёкнуло... а чего, кажись, я испугался? Мало ли всякого зверя ночью по полю бегаёт? Но любопытство-то еще пуще страха; приподнялся я, глаза вытаращил, а сам вдруг похолодел весь, так-таки застыл, точно меня в лед по уши зарыли, а отчего? Господь ведаёт! И вижу я: тень всё растёт, растёт, значит, прямо на сарай катит... И вот уж мне понятно становится, что это – точно зверь, большой, головастый... Мчитса он вихрем, пулей... Батюшки! что это? Он разом остановился, словно почуял что... Да это... это сегодняшняя бешеная собака! Она... она! Господи! А я-то пошевельнуться не могу, крикнуть не могу... Она подскочила к воротам, сверкнула глазами, взвыла – и по сену прямо на меня! А из сена-то, как лев, мой Трезор – и вот он! Пасть с пастью так и вцепились оба – да клубом оземь! Что уж тут происходило – не помню; помню только, что я, как был, кубарем через них, да в сад, да домой, к себе в спальню!.. Чуть под кровать не забился – что греха таить. А какие скачки, какие лансады по саду задавал! Кажется, самая первая танцорка, что у императора Наполеона в день его ангела пляшет, – и та за мной бы не угналась. Однако, опомнившись немного, я тотчас же весь дом на ноги поднял; велел всем вооружиться, сам взял саблю и револьвер. (Я, признаться, этот револьвер вскоре после эманципации купил, знаете, на всякий случай – только такой попался бестия разносчик, из трех выстрелов непременно две осечки.) Ну-с, взял я всё это, и таким манером мы целой оравой, с дрекольями, с фонарями и отправились в сарай. Подходим, окликаем – не слышать ничего; входим, наконец, в сарай... И что же мы видим? Лежит мой бедный Трезорушко мертвый, с перерванным горлом – а той-то, проклятой, и след простыл. И тут я, господа, взвыл как теленок и, не стыдясь, скажу: припал я к моему двукратному, так сказать, избавителю и долго лобзал его в голову. И пробыл я в этом положении до тех пор, пока в чувство меня не привела моя старая ключница Прасковья (она тоже прибежала на гвалт). «Что это вы, Порфирий Капитоныч, – промолвила она, – так обо псе убиваетесь? Да и простудитесь еще, боже сохрани! (Очень уж я был налегке.) А коли пес этот, вас спасаючи, жизни решился, так для него это за великую милость почесть можно!» Я хотя с Прасковьей не согласился, однако пошел домой. А бешеную собаку на следующий день гарнизонный солдат из ружья застрелил. И, стало быть, уж ей такой был предел положен: в первый раз отродясь солдат-то из ружья выпалил, хоть и медаль имел за двенадцатый год. Так вот какое со мной произошло сверхъестественное событие. Рассказчик умолк и стал набивать себе трубку. А мы все переглянулись в недоумении. – Да вы, может быть, очень праведной жизни, – начал было г. финоплентов, – так в возмездие... – Но на этом слове он запнулся, ибо увидал, что у Порфирия Капитоныча щеки надулись и покраснели и глаза съезжились – вот сейчас прыснет человек... – Но если допустить возможность сверхъестественного, возможность его вмешательства в ежедневную, так сказать, жизнь, – начал снова Антон Степаныч, – то какую же роль после этого должен играть здравый рассудок? Никто из нас ничего не нашелся ответить – и мы по-прежнему пребывали в недоумении.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

Собака. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!